

ОПЫТ ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (САША ЧЕРНЫЙ. «ПОТОМКИ»)

Флоря А.В.

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ФГБОУВО
«Оренбургский государственный университет», г. Орск

Феномен лингвоэстетической интерпретации литературного текста охарактеризован достаточно подробно [в частности: 1; 2; 3; 4; 5], однако в нем до сих пор остается немало субъективного. Более этого, субъективное начало заложено в лингвоэстетике по определению, поскольку основные признаки эстетического значения слова: невозможность слишком конкретных толкований, внешний (и часто мнимый) алогизм связей, слабое соотношение с ближайшими по семантике словами (эстетически значимое слово «служит намеком включенных мыслей, эмоций, волнений»), неразрывная связь с художественным целым [3, 21; 4, 33].

Посмотрим на примере конкретного текста, как проявляются лингвоэстетические смысловые нюансы.

Саша Черный. Потомки

1.

*Наши предки лезли в клетки
И шептались там не раз:
“Туго, братцы... видно, дети
Будут жить вольготней нас”.*

2.

*Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час
И вздыхали: “Наши дети
Встрелят солнце после нас”.*

3.

*Нынче так же, как вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.*

4.

*Даже сроки предсказали:
Кто – лет двести, кто – пятьсот,
А пока лежи в печали
И мычи, как идиот.*

5.

*Разукрашенные дули,
Мир умыт, причесан, мил...
Лет чрез двести? Черта в стуле!
Разве я Мафусаил?*

6.

*Я, как филин, на обломках
Переломанных богов.
В неродившихся потомках
Нет мне братьев и врагов.*

7.

*Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив,
От портного до поэта –
Всем понятен мой призыв...*

8.

*А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кляня свои потемки,
Лупят в стенку головой!*

Мечты о светлом будущем в этом тексте имеют религиозную окраску, причем неоднородную, разнообразную – «исламскую»: *Наши дети будут в Мекке...* (подразумевается хадж: как паломники, войдут в царство счастья), «ветхозаветную»: *Разве я Мафусаил?* (один из праотцев человечества – Быт 5:21-27, проживший 969 лет, старейший человек, чей возраст указан в Библии – впрочем, по лунному календарю), даже «языческую»: *Я, как филин, на обломках // Переломанных богов.*

Имеется и оттенок народных суеверий: *Черта в стуле!*

Это, возможно, искаженное вследствие «народной этимологии» выражение *черта в ступе*.

Нельзя было оставлять пест в ступе, а ее надо было после работы переверачивать, чтобы в ней не накапливалась пыль. Но, согласно поверью, это делалось, чтобы помешать чертям, которые могли толочь в ступе болезнь или порчу, а также пускать людей по ветру.

Есть русская пословица о «непотопляемом» человеке: *Его черт в ступе не истолчет*. Иначе говоря, «в ступе» не черт, а человек, но люди, забывшие пословицу, этого не понимают.

Черта в стуле имеет два смысла:

а) что-то совершенно необыкновенное, фантастическое (*пообещать черта в ступе* – т.е. чего-то несбыточного);

б) интеръективное (междометное) высказывание, выражающее резкое несогласие = *Черта с два!*

В стихотворении – второй смысл.

Клеть – особое помещение при избе или отдельная нежилая постройка для хранения имущества; кладовая.

Религиозный оттенок имеют слова *братья* и *враги* и даже *клетки* тоже. Христос призывает учеников не быть «якоже лицемери», т.е. не выставлять напоказ свое благочестие, а войти в клеть и молиться (*Ты же, егда молишися, вниди въ клѣть твою, и затвори въ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ*

тайнѣ). То есть предки, а также их дети фактически там молились о пришествии светлого будущего.

Разумеется, религиозные образы имеют здесь не буквальный, а исключительно аллегорический смысл: наша вера в будущее достигает религиозной силы, мы молимся за него, так сказать, «всем богам». Эклектическое объединение разных религий и верований подчеркивает этот условно-аллегорический оттенок.

Следует сказать, что все эти религиозные смыслы имеют отрицательные коннотации: быть в Мекке нам *не суждено*; я *не* Мафусаил; и, главное:

В неродившихся потомках

Нет мне братьев и врагов,

т.е. я отношусь к ним не по-христиански, а равнодушно. Отрицательный смысл оборотов *обломки переломанных богов* и *Черта в стуле!* (т.е. я не согласен ждать) комментарию не требует. И, наконец, если в «клетях» предки о чем-то молились, то тщетно: «прекрасное далёко» так и остается далеким.

Таким образом, формируется смысл: мы *утратили веру* в светлое будущее. То есть:

а) в то, что мы должны быть несчастными ради счастья потомков;

б) в то, что это счастье вообще наступит (особенно при нашем смирении).

Разукрашенные дули,

Мир умыт, причесан, мил...

Кто его умоет, если ты *лежишь в печали и мычишь, как идиот?*

То, что предки лезут в клетки, имеет оттенок добровольного – дополнительного – лишения свободы. Ее нет в жизни, так они еще и сами себя ограничивали, загоняли в тесное пространство, превращали свой дом в узилище.

Я, как филин, на обломках

Переломанных богов.

Тавтология подчеркивает, что прежняя вера совершенно уничтожена.

Филин, сова, сыч – зловещие ночные птицы, предвещающие беду, т.е. мрачное будущее. «Боги», еще не «переломанные», олицетворяют веру в будущее светлое.

Дули – просторечный вариант. Синонимы – *шиши, кукиш, фига*. Буквальное значение: груша – срав. с фигой – плодом. То и другое имеет генитальный смысл и означает грубый отказ.

Разукрашенные дули – наглый, циничный обман, сопровождаемый демагогическими посулами. Этот оборот корреспондирует с восклицанием «*Черта в стуле!*», с которым он, кстати, рифмуется, чем подчеркивается их параллелизм – это восклицание может сопровождаться соответствующим жестом. «*Черта в стуле!*» – это словесный «кукиш» («*Фиг вам!*»), который лирический герой (вернее антигерой) «показывает» в ответ на лживые обещания светлого будущего (т.е., фигурально выражаясь, на «кукиш», который будущее «покажет» ему).

Вот, кстати, для сравнения аналогичный пример словесного «кукиша» из «Дней Турбиных» М.А. Булгакова:

Мышлаевский. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на позор?! И я опять иди к этим светлостям?! Ну нет. Видали? (*Показывает шииш*) **Шииш!**

Студзинский. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

Мышлаевский. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны.

Реплика Студзинского «*Изъясняйся, пожалуйста, словами*» производит комический эффект, поскольку Мышлаевский изъясняется не только жестом, но и словами – дублируя вербально то, что он делает невербально. То есть слово «*шииш*» воспринимается не как слово, а как дополнительный жест.

Идем далее.

А пока лежи в печали

И мычи, как идиот.

Глаголы употреблены в **долженствовательном** наклонении (**дебитиве**). Эта форма обычно означает смирение с неприятной участью, сопровождаемое глухим ропотом.

Последняя строфа

А потомки... Пусть потомки,

Исполняя жребий свой

И кляня свои потемки,

Лупят в стенку головой! –

амбивалентна. С одной стороны, это выражение отчаяния (не только у нас, но и у них не будет ничего хорошего). С другой – это всё-таки императив с побудительным оттенком: *пусть лупят*, т.е. пусть сами позаботятся о себе, пусть сами пробивают стены. (Срав. с песней И. Кормильцева: *Таким ударным инструментом мы пробьем все стены в мире*). Причем это их *жребий* – все поколения должны не просто пользоваться благами цивилизации, которые завоевали для них предки, но и внести собственную лепту в борьбу за лучшую жизнь.

Правда, здесь есть некоторое противоречие с предыдущей строфой:

Я хочу немножко света

Для себя, пока я жив,

От портного до поэта –

Всем понятен мой призыв...

Смысл прозрачен: это мещанское жизненное кредо – я хочу жить для себя, а не для каких-то потомков.

Разумеется, смысл именно этот. Стихотворение входит в цикл «Сатиры» (1911) и передает психологию эгоистичного обывателя. Конечно, это и отклик на идеологию «Вех», вышедших двумя годами ранее и вызвавших бурный восторг самых реакционных слоев общества: можно отказаться от высоких идеалов, не работать на будущее, на улучшение жизни, а существовать ради себя.

Но, следует думать, содержание стихотворения гораздо глубже.

Некоторое удивление вызывает первая строка: *Я хочу немножко света...* Конечно, это говорит мещанин, согласный довольствоваться малым. Но откуда

возьмется свет, даже *немножко*, если в жизни *вообще* нет солнца? (*Наши дети // Встретят солнце после нас*). Не имеется же в виду лунный свет.

Лирический «герой» – мещанин, – так сказать, бунтуя на коленях, дорастает до требования, чтобы власти дали хоть немного нормальной жизни *ему и его современникам*: хватит кормить нас обещаниями!

Но если власти проявят здравый смысл и дадут людям немного света, откуда возьмутся «потемки» будущих поколений?

На наш взгляд, глубокая мысль этого стихотворения состоит в том, что не следует преувеличивать надежду на прогресс, цивилизацию, просвещение, торжество гуманизма. Люди могут тешить себя иллюзиями, что им повезло: они избежали катаклизмов, бедствий, порожденных варварством, предрассудками более жестоких времен. Тот, кто поверил, что ему посчастливилось ничего этого не знать, всегда имеет возможность на практике восполнить пробелы в своем образовании. Варварство всегда может вернуться, причем в еще худших формах. Культура и цивилизация постоянно нуждаются в защите.

Допустим, «мы» добьемся «немножко света для себя», но нет гарантии, что у потомков не отберут этих скромных завоеваний. Или потомки сами их бездарно отдадут, а потом будут биться головой о стенку.

Теперь несколько слов о рифмах, которые вносят в текст важные нюансы. Всё стихотворение написано 4-стопным хореем. В нем чередуются женские и мужские рифмы, т.е. ритмическим разнообразием оно не отличается. Однако однообразие еще усиливается за счет одинаковых рифм:

1.

*Наши предки лезли в клетки
И шептались там не раз:
“Туго, братцы... видно, дети
Будут жить вольготней нас”.*

2.

*Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час
И вздыхали: “Наши дети
Встретят солнце после нас”.*

Самоочевидно, что эта *монотонность выражает идею неизменности жизни и преемственности поколений*, которые влачат всё то же однообразное и жалкое существование. Однообразие еще усиливается добавлением к внешним рифмам внутренних:

*Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час*

(Однообразие поддерживается и другими повторами. Это и предлог *в*: *в клетки в грозный час*, и фонетический повтор: *лезли в клетки*. Данные повторы факультативны, играют лишь второстепенную роль. Они работают на закрепление общего эффекта дурной повторяемости.)

И хотя следующая строфа уже не содержит упомянутых рифм, однако начинается словами, комментирующими эту монотонность:

Нынче так же, как вовеки...

Повторяются не только рифмы, т.е. созвучия, но даже одни и те же слова (словоформы), обладающие семантикой противопоставления: *дети* и *нас*. Из поколения в поколение передается надежда на то, что жизнь потомков окажется «вольготней».

Знаменательно, что именно эти два слова меняют свое значение: каждое из них относится к разным поколениям – то к предкам, то к потомкам. И, напротив, к каждому из поколений относятся поочередно оба слова. Так что их противопоставление – мнимое.

Основное заключение, к которому мы можем прийти, состоит в том, что эстетические приемы составляют единое целое. И, кроме того, художественный текст хорош тем, что не только выражает мысль в словах, но и создает для ее воплощения конгениальную языковую фактуру, т.е. еще и изображает мысль языковыми средствами. Самое важное в лингвоэстетическом толковании текста – показать, как это достигается.

Список литературы

1. *Донецких, Л. И. Слово и мысль в художественном тексте / Л. И. Донецких. – Кишинев, 1990. – 164 с.*
2. *Донецких, Л. И. Эстетические функции слова / Л.И. Донецких. – Кишинев, 1982. – 154 с.*
3. *Ковтун, Л. С. Словарное описание семантико-стилистической системы писателя // Словоупотребление и стиль М. Горького / Л. С. Ковтун. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С. 5-14.*
4. *Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя : Избр. ст. / Б. А. Ларин. – Л.: Художественная литература, 1974. – 285 с.*
5. *Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака: Очерки по лингвоэстетике и семиотике искусства: Научная монография. / В. В. Фещенко, О. В. Коваль. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.*